

Кто мы друг другу?

Автор:

[Кейтлин Крюс](#)

Кто мы друг другу?

Кейтлин Крюс

Любовный роман – Harlequin #730

Лилиана ненавидела своего жестокого опекуна – красавца, богача и плейбоя Изара Агустина – за то, что он насильно отправил ее в возрасте двенадцати лет в закрытый пансион и в течение долгих лет был с ней холоден и груб. Через два года, в двадцать пять лет, она наконец избавится от этого тирана, а пока нужно терпеть, стиснув зубы. Какого же было удивление Лилианы, когда вдруг в день ее рождения Изар собственной персоной явился к ней в дом. В голову пришел неожиданный план – соблазнить негодяя, чтобы взять над ним верх, загнать в угол и тем самым разорвать вынужденную и тягостную связь с ним...

Крюс Кейтлин

Кто мы друг другу?

Caitlin Crews

THE GUARDIAN'S VIRGIN WARD

Серия «Любовный роман»

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Guardian's Virgin Ward © 2016 by Caitlin Crews

«Кто мы друг другу?» © «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, © «Центрполиграф», 2017

* * *

Глава 1

– Наконец-то эта вечеринка стала подарком, который ты заслужила на день своего рождения, Лили!

Дрожа от возбуждения, Кей, соседка Лилианы, ворвалась в узкую кухню их нью-йоркской квартиры в разгар шумного веселья.

– Самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела, только что вошел в гостиную и спросил тебя. Помнишь, как ты мне обещала изменить свою жизнь? –

Кей похотливо улыбнулась. – Поверь мне, сделать это вместе с таким красавцем будет совсем не сложно.

Чтобы освободиться от груза прошлого и начать новую жизнь, Лилиана Жирар-Брукс, поступив в колледж Барнарда, поменяла свое узнаваемое имя на Лили Бертран. Этим холодным ноябрьским вечером во время празднования своего двадцатитрехлетия она поклялась, что отныне навсегда перестанет влачить унылое, почти монашеское существование. Она не ожидала, что у нее так скоро появится возможность выполнить обещание, данное подруге.

– Наконец-то ты потеряешь невинность! – воскликнула незадолго до этого Джули, ее вторая соседка, прожевав кусок пиццы. – Добро пожаловать в двадцать первый век, подруга! – Она выбросила вверх кулак.

– Ты не должна делать то, что не хочешь, Лили, – нахмурившись, возразила Кей.

– Это также означает, что ты можешь делать все, что хочешь, – не унималась Джули.

– Полно вам спорить, девочки, – произнесла Лилиана. Она решила не говорить подругам, что впервые позволила парню ее поцеловать лишь на последнем курсе колледжа. Они и так прекрасно это знали. Иногда ей казалось, что о ее невинности знает весь Нью-Йорк. – Мне пора перестать быть гадким утенком. Заявляю, что сегодня же наконец превращусь в прекрасного лебедя!

Они рассмеялись, обнялись и включили музыку. Лилиана не была уверена в своих словах и подумала, что алкоголь придаст ей решимости. Именно поэтому она выпила намного больше вина, чем могла себе позволить девушка, выросшая в похожем на тюрьму пансионе в Швейцарии и верившая его суровой директрисе, по мнению которой вино превращало женщин в шлюх.

– Ты последняя представительница двух могущественных уважаемых родов, – произнесла мадам с таким отвращением, словно видела своими глазами, как Лилиана предавалась разврату на яхте в Женевском озере. Лилиане на тот момент было всего четырнадцать, и ее больше интересовала сольная карьера бывших участников одного распавшегося бойз-бэнда, чем вещи, о которых говорила директриса. – Страницы таблоидов пестрят фотографиями богатых пустоголовых шлюх, которых относят к так называемой золотой молодежи. Тебе

решать, станешь ты одной из них или нет.

«Сладкое белое вино, – весело подумала она, сидя с подругами на их маленькой кухне. – Оно создано специально для того, чтобы превращать гадких утят в лебедей».

– Ты сейчас видишь перед собой новую, преобразившуюся до неузнаваемости Лили Бертран, – сказала она Кей с уверенностью, которую на самом деле не чувствовала. – Любой красивый мужчина будет у моих ног.

– Это точно. – Кей толкнула ее плечом в плечо. – Но для того, чтобы взять то, что принадлежит тебе по праву, тебе придется покинуть кухню.

Лилиане не хотелось покидать кухню. Она не любила шумные вечеринки и всегда чувствовала себя на них неловко. Как назло, на сегодняшний праздник Кей и Джули, похоже, пригласили всех своих друзей времен колледжа.

А у Лилианы в колледже было всего две подруги – Кей и Джули.

«Вино, – напомнила она себе, пройдя из кухни в переполненную гостиную. – Тебе поможет вино».

К счастью, чем больше она пила, тем больше расслаблялась и тем меньше думала о возможных последствиях своей клятвы. До сих пор она пила очень мало, утверждая, что алкоголь плохо на нее действует. Убедить кого-то в этой маленькой лжи было проще, чем признать, что нравоучения строгой директрисы, которую она не видела после окончания школы, прочно засели в ее голове.

«Большая часть твоих беспорядочных мыслей принадлежит вовсе не директрисе», – напомнил ей внутренний голос, но она подавила его. Последний, о ком она сейчас хочет думать, это ее невыносимый самодовольный опекун.

Очертания людей и предметов начали расплываться перед ее глазами, и она вообразила себя смелой беспечной девушкой, которой могла бы стать, если бы в двенадцать лет ее не поместили в закрытое учебное заведение со строжайшей дисциплиной. Раскрепощенной девушкой, которая смогла бы спокойно подойти к красивому мужчине и заявить, что он должен провести с ней ночь, потому что он

подарок ко дню ее рождения.

Ну и что с того, что она, в отличие от своих подружек, не крутила романов с парнями ни во время учебы в колледже, ни сейчас, через пять месяцев после его окончания? Ну и что с того, что она долговязая и неуклюжая, в отличие от других богатых наследниц, которые всегда так красивы и элегантны в нарядах от-кутюр? Сейчас, находясь в комнате, полной малознакомых людей, Лилиана впервые в жизни позволила вину разрушить ее внутренние оковы и допустила мысль о том, что до сих пор у нее просто не было возможности изучить другую, менее сдержанную часть себя, в существовании которой она была уверена.

Только через два года после окончания школы Лилиана перестала представлять себе, что появится директриса и отругает ее за мысли, недостойные истинной леди.

– Твой рот похож на сточную канаву, – говорила мадам ученицам, которые пытались ей перечить. – Наверное, твое место там.

Еще через пару лет Лилиана научилась делиться тем, что было у нее на уме, пусть даже только с близкими подругами. И только сейчас, спустя почти полгода после окончания колледжа, она наконец стала понемногу познавать себя настоящую и позволила себе чуточку расслабиться.

Лилиана поняла, что она больше не печальная осиротевшая наследница, запертая в высокой башне. Что на нее больше не давят фамилии Жирар и Брукс. Безусловно, все помнят Лилиану Жирар-Брукс только как девочку, которая внезапно лишилась обоих родителей и была отправлена жестоким опекуном в европейский пансион. Девочку, которая получила в наследство от своей матери-аристократки и отца-магната огромное состояние и сможет им распоряжаться по достижении совершеннолетия.

Но Лилиана провела четкую грань между своей реальной жизнью и трогательными историями о несчастной маленькой богачке, какой ее представляли в омерзительных газетных статейках и телепередачах. Ей надоело, что ее постоянно сравнивают с кем-то из семьи Онассис и сказочными персонажами. Именно поэтому она взяла себе фамилию своей двоюродной бабушки по материнской линии. Она уже пять месяцев спокойно жила в скромной квартире в Бронксе вместе со своими подругами. Ее было невозможно

отличить от других девушек, которые только что окончили колледж и пытаются найти достойную работу.

Она не принимала участия в голливудских реалити-шоу и не прожигала жизнь на роскошных яхтах вместе с другими представителями золотой молодежи. Она определенно не была скандальной наследницей, которой, по мнению директрисы, непременно стала бы, будь она предоставлена самой себе. Когда таблоиды составляли списки богатых наследниц, Лилиану представляли как затворницу, что ее вполне устраивало.

Ее законный опекун Изар Агустин, один из богатейших граждан Испании, где его почитали чуть ли не как святого, считал ее бесполезным существом. Он всячески ей на это намекал в своих коротких электронных письмах, посредством которых предпочитал с ней общаться. Ей хотелось доказать ему, что она не пустое место. Именно поэтому она старалась вести себя как можно тише и не доставлять ему хлопот. Она говорила себе, что все дело в том, что этот человек управляет ее состоянием, хотя в глубине души подозревала, что главная причина заключается совсем в другом.

Она постоянно твердила себе, что должна радоваться, что не видела Изара Агустина с того ужасного дня, когда он представился ей в качестве опекуна, а затем отправил ее в швейцарский пансион. Разумеется, вместо самого Изара ее отвез туда человек, который на него работал.

Оказалось, что даже вино не может избавить ее от мыслей об Изаре. Они отравляли ее душу подобно яду замедленного действия. Лилиане он казался кем-то вроде грозного божества. Всемогущего и всезнающего.

Она представила себе черные глаза и надменную улыбку Изара, которые часто видела на страницах журналов, и внутри у нее что-то перевернулось. На протяжении долгих лет этот человек занимал большую часть ее мыслей, даже когда она приходила в бешенство из-за его очередного грубого письма или в течение долгих месяцев ждала следующего. Для того, кого она видела всего один раз и кто отправил ее в закрытую школу на попечение свирепой директрисы и не менее строгих учительниц, это была слишком большая честь.

«Никакого катания на яхтах в Средиземном море. Насколько мне известно, ты не девушка по вызову», – написал он ей, когда она попросила у него разрешения

провести каникулы вместе с несколькими школьными подругами. Они хотели попутешествовать по Французской Ривьере и, возможно, даже посетить греческие острова.

Ей было семнадцать, и она провела те каникулы, впрочем, как и все предыдущие, в пансионе вместе с другими девочками, на которых их родным, похоже, было наплевать. Тем летом она работала над независимым исследовательским проектом, благодаря которому получила дополнительные баллы. Это дало ей определенные преимущества при выборе колледжа.

Содрогнувшись, Лилиана прислонилась спиной к стене и окинула взглядом веселых людей, которых ее подруги пригласили на сегодняшнюю вечеринку. Если среди этой толпы и был безумно красивый мужчина, который навсегда изменит ее жизнь или, по крайней мере, сделает ее более интересной, она его не увидела.

Она видела только образ Изара и продолжала о нем думать, что ей уже порядком надоело.

Сколько восторженных заметок ни писали бы о нем влюбленные в него псевдожурналистки, Изар не удостоил своим вниманием ни одну из них. Он оставался неприступным, решительным и сосредоточенным на своих делах. Судя по тому, что писали о нем таблоиды, у него было много женщин, но ни одна из них не задержалась надолго в его постели. Он добивался интересовавшей его женщины, брал от нее все, что ему было нужно, а затем бросал ее. С такой же расчетливостью он относился к компаниям, которые покупал и продавал.

Все эти годы Лилиана по крупицам собирала информацию о своем опекуне. Она уделяла этому не меньше внимания, чем учебе, и знала по памяти все подробности его биографии.

Изар Агустин был выдающимся испанским футболистом, пока в двадцать с небольшим лет не получил тяжелую травму колена на последней минуте матча за чемпионский титул. Именно он забил решающий гол в том матче, и один из соперников подло отомстил ему за это посредством грубого подката. Тот фол положил конец спортивной карьере Изара, но вместо того, чтобы впасть в отчаяние, он неожиданно для всех занялся бизнесом и, преумножив за несколько лет свое состояние, стал полноправным деловым партнером

родителей Лилианы.

Они вместе управляли престижным домом моды, принадлежавшим нескольким поколениям семьи матери Лилианы, международной корпорацией Бруксов, владеющей предприятиями по производству элитных сортов табака и марочных вин, которая была основана дедом Лилианы, выходцем из ЮАР, а также фитнес-центрами, яхт-клубами, теннисными кортами и площадками для гольфа, которые приобрел Изар по завершении спортивной карьеры. Конгломерат «Агустин Брукс Жирар» в скором времени стал могущественным игроком в мире крупного бизнеса, а после трагической гибели родителей Лилианы в авиакатастрофе Изар, согласно их договоренности, стал распоряжаться имуществом их единственной наследницы.

Изар был ее опекуном до того, как ей исполнился двадцать один год. Он не принимал участия в жизни Лилианы, а скорее был мрачной тенью, которая над ней нависла. Сейчас он просто управлял огромным бизнесом, который принадлежал им с Лилианой в равных долях. Когда она выйдет замуж или ей исполнится двадцать пять, она сможет сама распоряжаться своей половиной компании. Лилиана тешила себя мыслью о том, что когда это произойдет, она сможет обращаться с Изаром так, как он до сих пор обращался с ней. Она будет относиться к нему как к помехе, появившейся на ее пути. Будет раз в шесть-семь месяцев посылать ему короткие электронные письма язвительного содержания.

«Спасибо, но я лучше выпью цианистый калий, чем приму ваше предложение», – напишет она ему однажды.

Возможно, это было ребячеством, но когда Лилиана придумала эту фразу, она сама была пухлощечкой девчонкой. Что мешало всемогущему Изару Агустину быть немного добрее к дочери его покойных деловых партнеров? Когда частный самолет ее родителей упал в Тихий океан, Лилиана осталась совсем одна. Полная боли и горя, она чувствовала себя потерянной. Ведь прежде с ней не случалось ничего плохого. До того рокового дня она не знала трудностей и забот, но ей было всего двенадцать, и то, что родители ее оберегали, было вполне нормально. Она понимала, что у Изара, не достигшего тридцати лет, была интересная жизнь, и забота о несчастной сироте не входила в его планы, но неужели было обязательно увозить ее из Англии из единственного дома, который она знала, и помещать ее в тот ужасный пансион в Швейцарии? И почему за все время ее пребывания там он ни разу ее не навестил?

– Можешь меня ненавидеть, если считаешь нужным, – сказал ей Изар в день их первой и единственной встречи. Из-за испанского акцента его жестокие слова прозвучали чуть мягче. Этот разговор состоялся в фойе дома Лилианы после того, как Изар велел персоналу собрать ее вещи. Смуглый мужчина с черными, как смоль, волосами, черными глазами, орлиным носом и четко очерченным ртом показался ей дьяволом во плоти. На его худой щеке дернулся мускул, затем еще раз. – Нравится тебе это или нет, я твой опекун, и твои чувства не могут повлиять на мои решения. Ты будешь делать то, что я скажу.

Конечно, она подчинилась. Разве у нее был выбор?

– Возьми себя в руки.

Осознав, что произнесла это вслух, Лилиана занервничала. Друзья Кей и Джули и без того считают ее странной. Зачем давать им лишний повод для насмешек? Но она тут же успокоилась. В комнате громко играла рок-музыка, и никто из присутствующих, скорее всего, не услышал ее слова.

Изар не обрадовался, когда она сообщила ему о том, что собирается получать дальнейшее образование в колледже в Соединенных Штатах, а не в очередном женском монастыре в Альпах, который он для нее выбрал. Он неохотно согласился, лишь когда она пообещала ему, что выберет один из нескольких женских колледжей, которые еще остались в Америке. Потом он чуть не передумал, потому что ему не понравилось, что она собралась жить в Нью-Йорке, который, по его мнению, был столицей разврата.

Он даже позвонил ей по телефону, что говорило о серьезности его опасений.

– Малейший скандал, связанный с твоим именем, Лилиана, и ты об этом пожалеешь, – произнес он обманчиво спокойным тоном, от которого волоски на ее коже встали дыбом. – Я сам вытащу тебя из этого колледжа, и последствия тебе не понравятся. Ты меня поняла?

– Вы, как всегда, выразились более чем ясно, сэр.

Фраза была довольно язвительной, и, чтобы не перегнуть палку, Лилиана произнесла ее тихо и кротко.

За этим последовало долгое молчание, и она уже начала думать, что зашла слишком далеко. Что он снова поместит ее в учреждение, похожее на монастырь и далекое от реального мира.

– Хорошо. Я разрешаю тебе учиться в этом колледже, – наконец ответил Изар. Его тон был таким холодным, что Лилиана удивилась, как ее рука, сжимающая трубку, не превратилась в лед. – Но если ты меня слушаешься, пеняй на себя.

Лилиана восприняла это как свою маленькую победу.

Изар может еще два года вмешиваться в ее жизнь, но сейчас его нет в ее квартире. Одна лишь мысль о том, что он мог ее навестить в день ее рождения, была нелепой. Она не сообщила ему свой нынешний адрес. Изар никогда ее не навещал. Кроме того, от него уже давно не было вестей.

Внутри у нее словно образовалась пустота, и она сказала себе, что это чувство облегчения.

«Зачем тебе его одобрение? – прозвучал в ее голове внутренний голос. – Ты не должна хотеть его получить. Ты должна хотеть, чтобы Изар навсегда оставил тебя в покое».

Разумеется, она этого хочет. Не может же она хотеть внимания от человека, который не проявил к ней ни капли сочувствия, когда она осиротела. Она ведь не жалкая идиотка.

С этой мыслью Лилиана отошла от стены и стала взглядом искать в толпе того, кого Кей назвала ее подарком. Среди гостей было несколько симпатичных парней, но ее подруга вряд ли имела в виду кого-то из них. Джули, стоя рядом с книжным шкафом, общалась со своими воздыхателями. Вдруг она резко повернула голову в сторону меньшей части Г-образной гостиной, где стояла Лилиана. За ней располагались три смежные спальни, каждая из которых была чуть больше купе в поезде. Когда подруги только перебрались в эту квартиру, они тянули жребий, и самая дальняя из спален досталась Лилиане. Поначалу она радовалась возможности уединиться, но вскоре увидела не только преимущества, но и недостатки своей комнаты. Ее подруги довольно часто приводили домой кавалеров, поэтому, проходя через спальни Кей и Джули, она всякий раз испытывала чувство неловкости.

Помахав Джули, Лилиана протиснулась сквозь толпу и вошла в первую комнату. Это была спальня Джули. Там было тише, чем в гостиной, но ненамного. Довольно большая группа людей, среди которых было несколько девушек из колледжа Барнарда, смотрела что-то на экране ноутбука и громко смеялась.

- Иди дальше, - улыбнулась Лилиане одна из ее знакомых по колледжу. - Джули велела ему ждать тебя в твоей комнате.

Предположив, что подруги наняли для нее стриптизера, что Джули неоднократно грозилась сделать, Лилиана почувствовала смущение. Она едва вынесла ужасный влажный поцелуй на последнем курсе. Наверное, при виде танцующего обнаженного мужчины она потеряет сознание.

«Все-таки ты жалкая трусиха», - прозвучал голос в ее голове.

Лилиана открыла дверь комнаты Кей. Там никого не оказалось, поэтому она позволила себе остановиться и сделать глубокий вдох, прежде чем пойти к своей двери.

Когда она положила руку на дверную ручку, по ее спине пробежала дрожь. Она быстро сказала себе, что подруги не стали бы ее смущать. За все время, что она их знала, они ни разу не сделали ничего подобного. Если бы они сегодня действительно наняли стриптизера, они бы заговорщически переглядывались в ее присутствии. Этого не было, но Лилиана стояла как вкопанная перед дверью своей спальни. Внутри у нее все гудело, словно ее тело знало что-то, чего не знала она.

Лилиане совсем не понравилось это ощущение, но она войдет в комнату, потому что обещала. И потому что она устала быть не такой, как все. Устала держаться отчужденно. Ей надоело быть неуклюжим гадким утенком. Станным наивным существом, за которое Джули и Кей извинялись, если оно делало что-то, что отличало его от остальных. Что заставляло других думать, что она не от мира сего.

Лилиана сомневалась, что когда-нибудь превратится в прекрасного лебедя. Ее покойная мать была одной из самых красивых и элегантных женщин в Европе, поэтому она знала, как выглядит прекрасный лебедь и как ей самой далеко до

идеала. Но ее это вполне устраивало. Она согласна быть шустрым воробьем, затеряться в большой стае и наконец оставить прошлое в прошлом.

В ее комнате все было так же, как в момент ее ухода оттуда, если не считать высокой темноволосой фигуры, неподвижно стоящей у окна и смотрящей на оживленную улицу внизу. Мужчина был одет, и при нем не было проигрывателя компакт-дисков, какие она видела у стриптизеров по вызову в молодежных комедиях.

Ее сердце подпрыгнуло, и она быстро окинула взором свою комнату, чтобы убедиться, что на виду нет ничего такого, что могло бы выдать в ней человека со странностями. К счастью, все выглядело нормально. Постель была аккуратно заправлена, на столе лежали ноутбук и роман, который она сейчас читала. На полках над столом стояли ровными рядами книги. Уходя, она оставила дверцу шкафа приоткрытой, но внутри тоже был полный порядок. На стенах не было ни фотографий, ни репродукций, ни каких-либо украшений.

В этот момент Лилиане впервые пришло в голову, что эта спальня была похожа на ее комнату в пансионе и на келью монахини. Одним словом, она была безликой. В отличие от комнат ее подруг, где на стенах висели постеры, а личные вещи вроде ярких подушек и коробочек с безделушками лежали на виду.

Но она не успела сделать вывод из этого, потому что в следующую секунду стоящий у окна мужчина повернулся к ней лицом, и все остальное перестало иметь значение.

Ее сердце замерло на мгновение, затем забилось так часто, что у нее закружилась голова.

Потому что это был Изар.

Грубый безжалостный Изар, которого она все эти годы видела только на фотографиях. Опекун, который безумно ее раздражал, несмотря на то, что редко давал о себе знать. Человек, чью биографию она тщательно изучала, ища доказательства того, что он злой и жестокий.

До сих пор он отравлял ей жизнь, находясь на расстоянии, и Лилиана думала, что так будет продолжаться и дальше. Что заставило его бросить свои дела и

приехать к ней домой?

Кей назвала его красивым.

Нет, Изар не может быть красивым. Ведь он чудовище.

Но внезапно Лилиана обнаружила, что больше не видит в нем сказочного монстра, каким она себе его представляла до сих пор. Все эти годы она его ненавидела, воображая себя несчастной принцессой, запертой в башне, и веря в то, что в конце концов справедливость восторжествует, и коварный злодей получит по заслугам. Глядя на его самодовольную физиономию на журнальном фото, она придумывала для него множество способов наказания.

И вот сейчас Изар стоит перед ней и смотрит на нее, даже не пытаясь скрыть свое неодобрение. Возможно, что в своем гневе он страшен, как дьявол, но он человек. Определенно человек. Мужчина.

Внезапно ей стало так жарко, что она испугалась, что ее кожа вот-вот потрескается. Голова закружилась еще сильнее, ноги стали ватными. Ей казалось, что где-то глубоко внутри ее разгорелся огонь, и ее тело постепенно плавится. Что в его присутствии комната уменьшилась в размерах.

Изар был не менее величествен, чем его бронзовая статуя, которая стояла в бедном районе испанского городка, в котором он вырос. Несмотря на то что он давно завершил спортивную карьеру, он оставался в отличной физической форме. Одевался он неброско, но дорого и элегантно, предпочитая вещи, которые подчеркивали его мужественность. Его внешний облик был отличной рекламой известного дома моды, который был частью возглавляемой им деловой империи.

Все эти выводы она сделала, разглядывая его фото в газете. В реальности он производил еще более сильное впечатление. Застыв на месте словно зачарованная, Лилиана разглядывала его лицо с темными бровями, выразительными скулами, четко очерченным ртом и покрытым щетиной волевым подбородком. При этом внутри у нее все как-то странно трепетало.

Что с ней творится? Неужели это и есть сексуальное влечение, о котором она читала в книгах? Когда Изар встретился с ней взглядом, ее щеки вспыхнули, и

при мысли о том, что он мог догадаться, что с ней происходит, ее охватила паника. Что он сделает, если узнает?

– Тебе больше не двенадцать, – произнес он глубоким низким голосом, который сейчас показался ей еще красивее, чем во время их редких телефонных разговоров. Его черные глаза блестели.

Ей определенно не двенадцать, и она не собирается вести себя как испуганная школьница.

– Мои друзья сказали мне, что здесь меня ждет мой подарок ко дню рождения, – сказала Лилиана с легкостью, которой, наверное, была обязана вину. Обычно она так не разговаривала. Тем более с Изаром. Впрочем, все их разговоры можно было по пальцам пересчитать. – Если они имели в виду вас, то это худший подарок в моей жизни.

Изар сделал шаг ей навстречу, затем резко остановился, словно не доверял самому себе. Словно опасался, что если подойдет еще ближе к ней, то сделает что-то недозволенное. Она знала, что это нелепо, что мужчина вроде Изара не может находить ее сексуально привлекательной, но во рту у нее пересохло, а сердце заколотилось еще сильнее.

Тогда она напомнила себе, что это ее комната и ее вечеринка. Ее жизнь.

И она больше не позволит этому человеку ей командовать, несмотря на то что он еще два года будет управлять ее состоянием.

– Вы, случайно, не видели здесь красивого мужчину? – холодно улыбнулась она. – Может, вы выбросили его в окно или заперли в кладовке? Я ушла с вечеринки, потому что мне устроили встречу с горячим парнем, а не с вами, сэръ.

На щеке Изара дернулся мускул.

– Ответь мне на один вопрос, Лилиана, – произнес он обманчиво спокойным тоном, – в какую игру ты играешь?

Глава 2

Когда Изар Агустин в последний раз видел вживую Лилиану Жирар-Брукс, она была юной и потерянной. Он сочувствовал ее горю, но у него не было опыта общения с двенадцатилетними девочками-сиротами. Он отправил ее в женский пансион из лучших побуждений. Он почти все время работал и не смог бы должным образом позаботиться о девочке.

Лилиана унаследовала от своих родителей огромное состояние. Ей принадлежала половина его компании. Она его подопечная, и он за нее отвечает. Несмотря на то, что прошло много лет, в его памяти она оставалась все той же пухленькой, неуклюжей и заплаканной девочкой, с которой он познакомился после гибели ее родителей. И вот сейчас он видит ее повзрослевшую. Она не только одета как шлюха, но и разговаривает с ним на манер развязной уличной девки, напоминая ему о среде, в которой он вырос.

У Изара все это в голове не укладывалось. Вызывающее поведение Лилианы могло означать лишь одно: он потерпел большую неудачу. А он не привык к неудачам.

Ее наряд был не самой ужасной деталью увиденной им картины, равно как и то, что она ютилась вместе с двумя подругами в тесной захудалой квартирке на четвертом этаже. Его шокировало, что она солгала ему насчет того, где жила в этом городе грехов, и ему пришлось ее искать. С гораздо большим удовольствием он провел бы этот вечер в театре с женщиной, с которой встречался в последнее время.

Изар Агустин, который всегда гордился своей способностью концентрироваться на тех или иных вещах, допустил, чтобы эта ситуация вышла из-под его контроля. Лилиана обманула его, заставила поверить, что все эти месяцы после окончания колледжа она провела в особняке в престижном районе Вест-Виллидж на Манхэттене, в одном из домов, который достался ей в наследство от родителей, а не в этой убогой дыре. Но он отдавал себе отчет в том, что не может винить в этом никого, кроме самого себя. Даже несмотря на то, что его подопечная смотрит на него как на воплощение дьявола. Он не собирается ее разубеждать. Пусть думает о нем что хочет.

– Тебе есть что сказать в свое оправдание? – произнес он обманчиво спокойным тоном, который заставлял его подчиненных съезживаться и извиняться за то, чего они не делали.

– Разве что нецензурные слова.

К его удивлению, ее равнодушный скучающий тон вызвал у него ярость. Чувство, которое он не позволял себе испытывать после завершения футбольной карьеры.

– Неужели ты думаешь, что, добавив оскорбления к обману и пренебрежению собственной безопасностью, ты справишься с текущим положением дел?

На этот раз он не сдержал своего гнева, но Лилиана и глазом не моргнула. Изар одновременно испытал восхищение и захотел ее придушить.

– Мое текущее положение дел заключается в том, что в мою спальню прокрался незваный гость, – произнесла она высокомерным тоном, достойным королевы. – Я хочу, чтобы вы ушли. Немедленно.

У него все еще не укладывалось в голове, что она, потомственная аристократка и богатая наследница, живет в этой дыре. Он сам вырос в тесной лачуге на окраине испанского города Малага и, вырвавшись оттуда, дал себе слово, что ноги его больше не будет в подобных местах. Сегодня, разумеется, у него не было другого выбора, кроме как нарушить это обещание. Лилиана слишком молода и уязвима, чтобы гулять по улицам Бронкса. Будучи единственной наследницей своих родителей, она может стать легкой добычей для предприимчивого альфонса или похитителя.

Со дня их первой и единственной встречи Лилиана очень изменилась внешне. Ее тело утратило детскую пухлость. Она стала выше, стройнее и грациознее. Ее густые светлые волосы были уложены в небрежную высокую прическу, отчего аристократические скулы казались еще более выразительными. Ее голубые глаза, обрамленные темными ресницами, и чувственные розовые губы могли свести с ума любого мужчину.

Изар почувствовал, как в паху у него все напряглось.

Это невозможно, черт побери!

Он всегда воспринимал Лилиану только как свою подопечную. Его задачей было заботиться о ее благополучии. Родители оставили ей огромное состояние, и Изар не только его сохранил, но и преумножил. Все эти годы он думал о Лилиане как о ребенке, за которого несет ответственность.

Но она больше не ребенок. Неожиданно для него она из неуклюжей девочки-подростка превратилась в одну из самых красивых женщин, которых он когда-либо видел. По его мнению, она даже превзошла свою покойную мать Клотильду Жирар, общепризнанную красавицу и икону стиля. Лилиана обладала врожденной элегантностью, и ей не нужно было прикладывать никаких усилий, чтобы выглядеть стильно.

Лилиана бросила ему вызов одним лишь своим присутствием в этой унылой дыре. Она впервые его послушалась, и по какой-то причине это все изменило. Оказывается, он настолько испорчен, что его влечет к женщинам, которые проявляют неповиновение. Это что-то новенькое. Никто прежде не осмеливался бросать вызов ему, Изару Агустину.

Будь на месте Лилианы любая другая женщина, Изар обращался бы с ней по-другому. Он схватил бы ее, притянул к себе и накрыл ее губы своими, а затем повалил ее на кровать и ласкал до тех пор, пока она не начала бы умолять его ею овладеть. Тогда он наконец сжалился бы над ней, сделал ее своей и заставил кричать от наслаждения.

Но Лилиана не любая женщина. Она, черт побери, его подопечная.

– В этом убогом районе принято так одеваться? – спросил он, окинув неодобрительным взглядом ее мини-платье с глубоким вырезом и черные ботфорты. Если ее фото в подобном наряде появится на страницах таблоидов, это будет пятном на ее репутации. – Это нужно для того, чтобы не отличаться от уличных женщин? Должен тебе поаплодировать. Как умно с твоей стороны прятаться от цивилизованного мира в трущобах и так вызывающе одеваться, что ни одному мерзавцу даже в голову не придет похитить тебя с целью выкупа. Разве богатая наследница может выглядеть как женщина, которая торгует определенными родами услуг?

Лилиана резко вдохнула, и ее взор затуманился. Судя по всему, его слова задели ее, но она все равно нашла в себе силы гордо расправить плечи. Изар почувствовал угрызения совести, но тут же их подавил.

– Я сделаю вид, что не слышала, как вы называли меня проституткой во время нашей первой за одиннадцать лет встречи.

– Я сказал, что ты одета как женщина легкого поведения. Это костюмированная вечеринка? Если так, то понятно, почему здесь собралось столько женщин, одетых как шлюхи.

Она поджала губы:

– Вы несчастный человек, Изар.

– Юная особа, за которую я несу ответственность, прячется в убогой квартирке под вымышленным именем и думает, что здесь она в полной безопасности. Если хочешь, можешь считать, что это делает меня несчастным, но на твоём месте я бы больше беспокоился о себе, нежели обо мне.

– Обещаю, что очень испугаюсь, когда через несколько месяцев получу от вас очередное сообщение, – произнесла она в ответ с сарказмом.

– Осторожнее, – предупредил ее Изар и с трудом узнал свой голос.

– Я вас не боюсь, – фыркнула она, сложив руки под грудью.

– В таком случае ты еще глупее, чем кажешься. Я говорил тебе, что силой увезу тебя из этого города, если ты сделаешь что-нибудь предосудительное. Поздравляю тебя, ты продержалась дольше, чем я предполагал, но этот день наконец настал.

Лилиана нахмурилась:

– Вы сказали мне это, когда мне было восемнадцать и я поступала в колледж. Довожу до вашего сведения, что я выжила. Что город не убил меня, и репутация вашей драгоценной компании не пострадала. Моя попытка пожить нормальной

жизнью никак ей не повредила, так что можете выдохнуть, Изар.

В последний раз он испытывал такую сильную ярость, когда соперники на футбольном поле использовали против него запрещенные приемы. Для него оставалось загадкой, почему Лилиана, глупая девчонка, не знающая жизни, способна довести его до белого каления.

– Нравится тебе это или нет, я по-прежнему несу за тебя ответственность, – произнес он таким же холодным тоном, как ноябрьский ветер за окном. – Это означает, что ты не можешь продолжать жить в этой дыре, несмотря на то, что, очевидно, считаешь себя представительницей богемы.

Она рассмеялась, словно он сказал что-то смешное:

– Я не отношу себя к богеме.

– Спасибо и на этом. Одно дело – скрывать свое настоящее имя, когда ты училась в колледже, совсем другое – делать это сейчас. Ты больше не защищена стенами колледжа, Лилиана. Какой-нибудь злоумышленник в любой момент может узнать, кто ты на самом деле, и использовать это против тебя. Когда я говорю «против тебя», я имею в виду «против компании», а это означает то же самое, что «против меня».

Она посмотрела на него так, словно он сказал глупость. Разве он, Изар Агустин, миллиардер, известный своей деловой хваткой и дальновидностью, был на такое способен?

– Я переехала сюда пять месяцев назад, и до сих пор у меня не было нежеланных гостей.

– Почему я, по-твоему, приехал сюда?

– Полагаю, потому что вам доставляет удовольствие портить жизнь другим людям. Например, мне.

– Конечно. – Просто удивительно, сколько сил ему приходится прилагать для того, чтобы сдерживать свой гнев. – И еще потому, что один журналюга заявил

мне, что собирается накропать статейку о том, как я обрек на тяжелый труд и прозябание в трущобах юную наследницу Жирар-Брукс и завладел ее компанией. Я сказал ему, что это грязная ложь, поскольку ни одному нормальному человеку не пришло бы в голову назвать трущобами особняк твоих родителей в Гринвич-Виллидж. Ты только представь себе, как я удивился, когда обнаружил, что ты там не живешь. Мне пришлось тебя разыскать. Должен сказать, что это место – убогая дыра.

Лилиана громко вздохнула и закатила глаза, словно его слова вызвали у нее раздражение.

– Наследница Жирар-Брукс может катиться ко всем чертям. И вы тоже, – заявила она.

Изар заметил, как она при этом покачнулась.

– Лилиана, ты пьяна?

Нет. – Пройдя в другой конец комнаты, она поставила на письменный стол пустой бокал, который все это время держала в руке. – Я выпила бокал вина. Я взрослая женщина. В этой стране любой человек, достигший двадцати одного года, имеет право покупать и употреблять алкоголь. Впрочем, вас не касается, пила я или нет.

– Касается, как и все и остальное, что имеет отношение к тебе. То, что ты сейчас делаешь, недопустимо. Я доверял тебе.

– Вы не доверяли мне. Вы отдавали распоряжения, ожидая от меня полного подчинения. Направляясь сюда, вы думали, что так будет продолжаться и дальше. Вы не заметили, что я уже не то покорное бесхребетное существо, каким была раньше, и это ваша проблема, а не моя. Такое случается, когда бросаешь человека на одиннадцать лет.

– Должен снова тебя поправить, Лилиана. Если я говорю, что твои дела – это мои дела, значит, так оно и есть.

Она мрачно посмотрела на него:

– Наслаждайтесь своим преимуществом, пока можете, Изар. Часы тикают. У вас осталось всего два года для того, чтобы меня запугивать. Что будет, когда ваше время истечет?

Ему хотелось схватить ее и продемонстрировать ей, что может случиться, но он этого не сделал. Он ее опекун, а не похотливое животное, и не позволит страсти им управлять, как было в те дни, когда он целыми днями пинал мяч в захудалом дворе в своем родном городке, представляя себе, как однажды попадет в футбольную команду и сможет покинуть переполненный дом своего дяди, где в нем видели только лишний рот.

Он не собирается идти на поводу у своей страсти, даже несмотря на то, что за прошедшие годы Лилиана превратилась в удивительно красивую женщину.

– Разговор окончен, – бросил он тоном, не терпящим возражения. – Я немедленно забираю тебя отсюда. Можешь собрать свои вещи, пока я добрый.

Лилиана не сдвинулась с места.

– Я больше не несчастная двенадцатилетняя девочка, Изар, – мягко произнесла она, но ее голубые глаза при этом сверкали. – Я вам не позволю посадить меня в башню на вершине горы только потому, что я причиняю вам неприятности одним лишь своим существованием.

– Не позволишь? Ты уверена?

– Вы управляете компанией. Вы распоряжаетесь моим наследством. Но я уже достигла совершеннолетия, и меня вы больше контролировать не можете.

– Осторожней, Лилиана. В конце концов, это мне решать, удовлетворять или нет твою претензию на твою долю акций, когда тебе исполнится двадцать пять. Если я сочту, что ты не в состоянии управлять своими акциями, я буду вправе не передавать их тебе в течение еще пяти лет. Или, может, ты не удосужилась прочитать текст, напечатанный мелким шрифтом?

Это угроза? – бросила она в ответ. – Если так, то я почему-то не удивлена. В любом случае, это не имеет значения. Можете угрожать мне сколько хотите. Я

вам не позволю засунуть меня в очередную тюрьму. Этого не случится!

– Можешь закатить истерику, – предложил он. – Как вздорная девчонка, которой ты по сути являешься. В любом случае на исход дела это не повлияет.

Изар пожал плечами, словно ему было все равно, что она собирается делать. Затем он достал из кармана мобильный телефон, чтобы позвонить своему водителю.

К его удивлению, Лилиана сократила расстояние между ними, словно его слова никак на нее не подействовали, и ловко выбила телефон из его руки. Он ударился о пол и исчез под кроватью.

В течение нескольких секунд они просто стояли и смотрели друг на друга. Грудь Лилианы вздымалась и опускалась. Казалось, она вот-вот вывалится из глубокого декольте платья. На ее щеках был румянец, глаза лихорадочно блестели. Она выглядела чертовски соблазнительно, и он почувствовал, что начинает терять над собой контроль.

– Это было глупо, – процедил он сквозь зубы.

– Я хочу жить здесь, – решительно заявила Лилиана. – Через два года я займу свое место в компании, как хотели мои родители, но до того времени я хочу быть обычным человеком. Я не хочу жить у всех на виду. Не хочу, чтобы весь мир комментировал каждый мой поступок и каждый наряд. – Она экспрессивно вскинула руки. – Я хочу быть как все. Хочу работать пять дней в неделю, а в выходные ходить с подругами в бар или объедаться пиццей перед телевизором. Я хочу жить так, как живет большинство людей. Что в этом плохого?

Внутренний голос приказывал ему отойти назад и противостоять искушению, но ее ярость, легкий аромат ее духов, тепло, исходящее от ее тело пьянили его, заставляли желать невозможного. Он не понимал, как такое произошло. Такая сильная страсть очень опасна. Он понял это много лет назад и с тех пор жил, повинувшись лишь разуму. Да, он занимался сексом с красивыми женщинами, но всякий раз себя полностью контролировал. Еще ни разу он не был так близок к потере самообладания.

– Я тебе сочувствую, но тебе не приходится выбирать. – Он не прикоснулся к ней, не наклонил голову, чтобы накрыть ее губы своими, но и не отошел.

– У меня должно быть право выбора!

– Возможно. Но выбор остается за мной.

– Я не...

– Ты правда думаешь, что поступаешь умно, Лилиана? – перебил ее он. – Ты правда думаешь, что если будешь со мной спорить, то добьешься своего?

– А как я могу добиться своего?

В обычном состоянии он тщательно проанализировал бы этот момент, разобрался в своих мыслях и мотивах, но сейчас он, похоже, начисто утратил способность соображать. У него было такое чувство, будто вместо бархатного луга он забрел на крутой утес и зачем-то спрыгнул с него.

Сейчас им командовал зов плоти, и он ничего не мог с этим поделать. Ему следовало сразу, как только она вошла в комнату, схватить ее за руку, вывести из квартиры и затащить в свою машину. Ему не следовало ее слушать, потому что ее доводы не имели значения. Ну и что с того, что его подопечная повзрослела и теперь представляет собой воплощение самых смелых его фантазий? Он вообще не должен был этого замечать. Позже он непременно себя за это возненавидит, а сейчас он не просто замечал, как красива Лилиана – он бесстыже пожирал ее глазами. Когда его взгляд задержался на ее губах, он понял, что не в силах помочь самому себе.

– О-о... – мягко произнесла Лилиана. Этот звук имел множество смыслов. В нем Изар услышал откровение, понимание, удивление и смелость. – Мне следовало сразу догадаться, что великий и ужасный Изар Агустин крут только на словах.

С этими словами она придвинулась к нему вплотную и положила ладони ему на грудь. Изар машинально схватил ее за плечи и тут же сказал себе, что сделал это для того, чтобы ее оттолкнуть. Но он ее не оттолкнул.

Ее кожа оказалась гладкой и мягкой, как он себе и представлял, и от этого контакта по его венам разлился расплавленный огонь, в котором сгорели остатки здравого смысла.

Затем Лилиана встала на цыпочки и прижалась губами к его губам.

Глава 3

Поцеловать Изара было все равно что прыгнуть в море с высокого обрыва. Это было так же безрассудно. Эйфория, вызванная собственной беспечностью, может обернуться опасностью.

Лилиана ощутила вкус его губ на своих губах, жар его груди под своими ладонями. Его твердое мускулистое тело было так близко.

Какое-то время они неподвижно стояли, словно окаменев. Сердце Лилианы сильно билось, как у бегуна перед финишем. Она вдыхала тонкий аромат одеколона, смешанный с запахом мужской кожи, чувствовала, как большие сильные руки сжимают ее плечи. Может, до этого она и была пьяна, но сейчас она полностью отрезвела и не понимала, как ей могло взбрести такое в голову. Она вспомнила все, что наговорила своему опекуну с того момента, как вошла в комнату. О чем она только думала, черт побери? Зачем она дразнила Изара? Она спятила? Что ее заставило его поцеловать? Как она сможет загладить свою вину? После такого он, наверное, снова ее запрет в скучном уединенном месте, и ей очень повезет, если он когда-нибудь ее оттуда выпустит.

Готовая убежать и спрятаться, Лилиана напряглась, но Изар неожиданно издал гортанный звук, похожий на львиный рык, теснее прижал ее к себе и перехватил у нее инициативу.

Наклонив голову, он ответил на ее поцелуй, и она вмиг забыла обо всем на свете, кроме невероятных новых ощущений, которые дарил ей Изар. Когда его язык ворвался в глубь ее рта и скользнул по ее языку, ее словно пронзила сверху вниз горящая стрела, отчего в глубине ее женского естества вспыхнул огонь. Обвив руками его шею, она прижалась к Изару еще теснее, если такое было

возможно. Ее пальцы ерошили волосы у него на затылке, бедра терлись о его бедра.

Она хотела большего и была готова отдать ему все. Неожиданно ее прежнее унылое существование, во время которого она собирала по крупицам информацию о своем надменном загадочном опекуне, обрело смысл. Она словно жила в беспросветном мраке, и только этот поцелуй мог распахнуть дверь ее темницы и подарить ей свободу.

Неожиданно Изар оторвался от ее губ и отодвинул ее от себя. Его темные глаза сверкали, губы были сжаты в тонкую линию. Его дыхание было таким же неровным и учащенным, как и ее. Он что-то тихо пробурчал себе под нос по-испански, но по выражению его лица было нетрудно догадаться, что он выругался.

- Этого не может произойти, - отрезал он.

- Это уже происходит, - просто ответила она.

Он крепче сжал ее плечи, а затем отпустил ее и провел рукой по своим коротким черным волосам.

- Это неприемлемо. Ты моя подопечная.

Какой непростительный грех, - мягко произнесла Лилиана и, к своему удивлению, осознала, что дразнит его. Дразнит человека, которого прежде боялась, даже несмотря на то, что видела вживую всего один раз. Похоже, она и в самом деле тронулась умом. - Как ты после этого сможешь смотреться в зеркало?

- Это не смешно, - прорычал он.

- Как скажете, сэр.

Его глаза яростно сверкнули.

– Опекун, подопечная. Какое значение это сейчас имеет? – спросила она. – Это всего лишь слова.

– Я не собираюсь с тобой обсуждать свои нравственные промахи, – яростно бросил он, но помимо гнева Лилиана услышала в его голосе что-то более мрачное, похожее на презрение к самому себе.

– Ты только управляешь моими финансами. Ты никогда не был для меня кем-то вроде отца или другого родственника – заметила она. – Ты сделал все для того, чтобы наши отношения носили чисто формальный характер. Если редкие письма и еще более редкие звонки вообще можно назвать отношениями.

– Надень пальто, – приказал ей Изар. – На улице холодно.

Его руки были сжаты в кулаки, и она подумала, что он, возможно, не доверяет себе. Что боится не совладать с собой, если снова к ней прикоснется. Что, возможно, он хочет ее так же сильно, как она его.

– Хорошо, – ответила она как послушная школьница, понимая, что Изар ждет от нее именно такой реакции.

Конечно, Лилиана уже давно перестала быть школьницей, но говорить об этом Изару не имело смысла. Зачем ей объяснять ему, что она взрослая женщина? Он все равно не примет ее доводы.

Вместо того чтобы бросать на ветер слова, Лилиана схватилась за подол своего короткого платья, стянула его с себя и отбросила в сторону. Услышав, как Изар резко вдохнул, она вытащила шпильки из своей прически и потрянула головой, позволив волосам рассыпаться по ее плечам.

Теперь она стояла перед своим опекуном в одних ботфортах и бирюзовых трусиках. Изар выглядел ошеломленным. Его глаза были черными, как агаты, на его худой щеке дернулся мускул. Лилиана почувствовала, как ее соски затвердели.

Изар снова издал низкий гортанный звук, похожий на рык льва.

- Немедленно оденься, - яростно приказал он.

Лилиана не знала, откуда у нее только взялась смелость. Она вообще перестала себя понимать. Она лишь твердо знала, что если подчинится ему и упустит этот момент, то будет жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Ее подруга права. Она действительно заслужила хороший подарок.

Поэтому вместо того чтобы послушаться Изара, она снова направилась к нему.

То, что он не приказал ей остановиться, говорило о многом. Он ничего не сказал, ни когда она встала в считанных дюймах от него, ни когда провела пальцами по внушительному бугорку под молнией его темных брюк и задрожала от возбуждения.

Она не сомневалась, что если бы Изар умел взглядом метать молнии, то от нее уже остался бы один лишь пепел.

- Лилиана.

Ее имя прозвучало как предупреждение, но хрипотца в голосе дала ей понять, что на самом деле он хочет того же, что и она.

Лилиана сжала его восставшую плоть:

- Как насчет моих желаний? Что плохого произойдет, если мы сделаем это всего один раз? Сегодня, в конце концов, день моего рождения.

В его глазах что-то промелькнуло, он снова выругался, но затем взял в ладони ее лицо. Он долго изучал его, и Лилиана, затаив дыхание, гадала, что он высматривает.

- Последствия неизбежны, gatita, - произнес он наконец.

- Кому есть до этого дело? - прошептала она.

Изар провел большими пальцами по ее скулам. Эти прикосновения были такими нежными, что Лилиана подумала, что он не осознает, что делает.

– Позже я напомню тебе о том, что ты это сказала, – предупредил ее Изар и впился ртом в ее губы.

Обвив руками его шею, Лилиана отдалась на волю своего желания.

«Неужели я собираюсь пустить свою жизнь под откос?» – подумал Изар с несвойственной ему беззаботностью.

Он страстно целовал свою повзрослевшую подопечную, не думая о возможных последствиях. Когда Лилиана предстала перед ним в одних лишь крошечных трусиках и высоких сапогах, он понял, что пропал. Ее распущенные золотистые волосы блестели, розовые соски затвердели от желания. Разве можно было перед ней устоять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/keytlin-kryus/kto-my-drug-drugu>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)